

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. И.Н.УЛЬЯНОВА

КАРАМЗИНСКИЙ

СБОРНИК

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И
ЕВРОПЕИЗМ В РУССКОЙ
КУЛЬТУРЕ**

Ульяновск
1999

Ф.З.Канунова

КАРАМЗИН И ЖУКОВСКИЙ
(о восприятии первого трактата Руссо)

Трактат Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» вызвал, как известно, бурю критических откликов в России и за рубежом, которые достаточно полно исследованы Н. Д. Кочетковой в ее монографии о русском сентиментализме.¹ Обстоятельно рассмотрев опубликованную в «Аглае» в 1794 г. статью Н. М. Карамзина «Нечто о науках, искусствах и просвещении» на фоне широких откликов на трактат Руссо русской и зарубежной критики, автор приходит к убедительному выводу о последовательной защите Карамзиным идеи прогресса и просвещения, органично связанной в сознании писателя с эстетикой сентиментализма. При этом достаточно полно показана глубоко ощущаемая Карамзиным внутренняя противоречивость первого трактата Руссо, пришедшего к парадоксальным выводам, идущим вразрез доминантным идеям автора «Эмиля» и «Новой Элоизы». Так, начиная свою статью панегириком Руссо, его великим дарованиям, истинам, открытым им современникам и потомству, Карамзин сделал примечание, снятое (на что указала Н. Д. Кочеткова) в последующих изданиях:

Я говорю о тех моральных истинах, которые Руссо открывает нам в своем «Эмиле».²

¹ Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С.36-42, 51-56.

² Там же. С.38.

Решительно не принимая выводов Руссо о вреде наук и искусств нравственному развитию человечества, Карамзин называет первый трактат Руссо «логическим хаосом», «собранием противоречий и софизмов». Через 10-12 лет В. А. Жуковский, прочитав трактат Руссо в Женевском издании 1782 г.³, оставил на полях ряд очень интересных помет⁴, сличение которых со статьей Карамзина в «Аглае» позволяет поставить ряд вопросов, осмысление которых дает возможность не только принципиально сблизить позиции двух писателей, но и высветить важную проблему преемственности их мировоззрения и творчества.

И Карамзин, и Жуковский, отталкиваясь от радикально-демократических взглядов автора трактата «О науках», на первый план выдвигают нравственно-этический аспект мировоззрения Руссо, и это имело глубокие основания. Руссо поднял нравственное достоинство человека на небывалую высоту, он несравненно обогащает представление о человеке, утверждая в противоположность рационализму XVII и XVIII веков в нравственном чувстве не только специфическую духовную деятельность наряду с умом и волею, но основу духовной жизни вообще.⁵ Это приобретало особый смысл после событий Великой Французской революции, когда радикальные общественные идеи Руссо были решительно поколеблены, и на первый план выступил нравственно-этический аспект руссоизма. В кризисный период своего творчества, связанный с событиями Французской революции, Карамзин («Милодор к Филалету», «Филалет к Милодору», «Нечто о науках») с особо пристальным вниманием относится к нравственному воспитанию человека, видя в нем и только в нем путь к торжеству добродетели. Об этом без конца рассуждал Жуковский, который с рубежа нового времени смотрел на результаты Французской революции через призму бонапартистской диктатуры и захватнических войн Наполеона. В своей записи на трактате аббата де Сен Пьера «О вечном мире» Жуковский записывает:

³ Collection complete des oeuvres de J. - J. Rousseau. T.1-12. Geneve, 1782. Перевод дается по кн.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

⁴ См.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч.2. Томск, 1984. С.237-241. Сноски на это издание в тексте.

⁵ См.: Асмус В.Ф. Ж.-Ж.Руссо. М., 1962. С.11. Ср.: Верман И.Е. Ж.-Ж.Руссо. М., 1974. С.63.

Теперь только, когда Бонапарте рухнул, можно судить о том, что Революция – великий урок, и человечество сделало посредством ее гигантский шаг к своему благосостоянию и усовершенствованию.

Об этом же менее развернуто, но не менее убедительно и даже категорично говорил Карамзин, свидетель Французской революции:

Там, где возвышаются теперь кровавые эшафоты, там сидит добродетель на светлых тронах.

Рассматривая исторический прогресс как прогресс нравственный прежде всего, и Карамзин, и Жуковский решительно не принимают парадоксального противопоставления Руссо научного и нравственного развития общества. Об этом уже очень четко скажет Карамзин в своей полемике с первым трактатом Руссо:

Что же есть мораль, из наук важнейшая, альфа и омега всех наук и всех искусств? Не она ли доказывает человеку, что он для собственного своего счастья должен быть добрым.⁶

Вслед за Карамзиным Жуковский в принципе не принимает свойственное Руссо противопоставление научного и нравственного прогресса. В ответ на оговорку Руссо:

Не науку я оскорбляю... добродетель защищаю я перед людьми добродетельными-

Жуковский замечает:

Разве добродетель не является такой наукой.⁷

Слова «наука» и «добродетель» подчеркнуты Жуковским. Этим он лишней раз снимает противопоставление Руссо и принципиально сближается с Карамзиным. Постигание важнейшей из наук – науки о нравственности – имело и для Карамзина, и для Жуковского множество важнейших смыслов. Во-первых, это – приобретение широких знаний о природе и человеке и прежде всего о его духовной сущности. Оба они сосредоточиваются на нравственных проблемах философии (так воспринимается ими Бонне, Кондильяк, Юм). В огромном труде самопознания Жу-

⁶ Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. Т.2. С.57. Все ссылки на это издание в тексте с указанием страниц.

⁷ Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч.2. С.237.

ковский оставался верен школе Карамзина. Вслед за Карамзиным он читает и переводит Бонне, и даже те главы «Созерцания природы», которые были переведены Карамзиным⁸, вчитывается в трактат «Об ощущениях» Кондильяка, сосредоточивая свое внимание на нравственных проблемах превращения статуи в человека. Об этом же говорит Карамзин:

Новые Кондильяки, новые Боннеты силою ума своего оживят статую, и новые поэты воспоют красоту природы, Человека и славу Божию: ибо все то, чему мы удивляемся в книгах, в музыке, на картинах, все то излилось из души нашей и есть луч божественного света ее, произведение великих ее способностей ... и никогда Прометеев огонь на земле не угаснет! (49).

Центральная нравственная проблема или как ее назовет Карамзин и Жуковский проблема добродетели приводит уже на заре их творчества к необходимости разобраться в сущности человека, в том, как в человеке соотносится природное и духовное, природные и общественные начала. Этими вопросами наполнены письма и Карамзина, и Жуковского. Юноша Карамзин пишет свои известные письма Лафатеру с мольбой помочь ему разобраться в сущности человека и его отношении к миру. Этими проблемами заполнены беседы русского путешественника с Кантом и Бонне, под этим углом зрения он штудирует их труды. То же в высшей мере можно сказать и о Жуковском. Так, постоянно, в период 1800-1810-х гг. размышляя о «деятельном состоянии своей души» и призывая себя к самоанализу («разбери себя»), молодой поэт вопрошает:

Каков я, что сделано обстоятельствами, что природою.⁹

Важнейшим и наиболее ранним источником формирования антропологических и гносеологических основ его мировоззрения, эстетики, по всей вероятности, явились произведения Руссо. Читая трактат «О происхождении неравенства», Жуковский, несмотря на свою полемичность, во многом приближается к Руссо в решении им проблемы свободы и необходимости. При всей идеализации дикаря, якобы полностью подчиненного законам природы, Руссо проницательно указывает на характеристи-

⁸ Канунова Ф.З., Кафанова О.Б. Карамзин и Жуковский: Восприятие «Созерцания природы» Ш. Бонне // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 187-202.

⁹ Жуковский В. А. Дневники. Пб., 1903. С. 12.

ческие черты человека, выделяющие его из мира животных уже в «естественном состоянии». Животное, по Руссо, это «хитроумная машина», полностью управляемая природой, а человек наделен актом свободной воли, он, как пишет Руссо, - «свободно действующее лицо». Жуковский, по всей видимости, полностью разделяет эту мысль Руссо. Он подчеркивает очень важные для него слова:

Животное не может уклониться от предписанного ему порядка, даже если бы то было ему выгодно, человек же часто уклоняется от этого порядка себе во вред.

Для нас принципиально важно, что подобные мысли в связи с анализируемым им трактатом Руссо высказывает Карамзин:

Все животные, - пишет он, - кроме человека подвержены уставу необходимости. Для них нет выбора, нет добра, ни зла, но мы не имеем сего, так сказать, «деспотического чувства»..., вместо него дан человеку разум, который должен искать истины и добра (57).

Говоря о близости Карамзина и Жуковского в их восприятии концепции человека у Руссо, следует указать и на различие, которое заключалось в большем рационализме антропологических воззрений автора «Писем русского путешественника». Для него главное отличие человека от животного – разум. Жуковский решал эту проблему несколько по-иному. Ему импонировало заключение Руссо о том, что

специфическое отличие, выделяющее человека из всех других животных, составляет не столько разум, сколько способность действовать свободно.¹⁰

Мировоззрению Карамзина больше, по сравнению с Жуковским, свойственна рационалистическая ориентированность. С утверждением в качестве главной черты человека свободы выбора и саморегуляции связана и самая главная отличительная его (человека) особенность – способность к самоусовершенствованию. Именно эта способность, по Руссо, с помощью различных обстоятельств ведет к развитию всех остальных способностей:

...она присуща как всему роду нашему, так и каждому индивидуальному человеку, в то время как животное остается одним и тем же, каким

¹⁰ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С.57.

появилось на свет, и род его через тысячу лет остается тем же, чем был в первый год этого тысячелетия.^{10a}

Жуковский полностью одобряет эти очень важные для него строки. Об этом читаем у Карамзина:

Духовная натура наша в течение времени подобно как золото в горниле очищается и достигает большего совершенства; показывает великое наше преимущество пред всеми иными животными, которые от начала мира живут в одном круге чувство мыслей, между тем как люди беспрестанно его распространяют, обогащают, обновляют (48).

Идея самоусовершенствования была для Жуковского (как и для Карамзина) важнейшей частью его просветительской программы:

Беспрестанное приобретение и усовершенствование ... суть определения человека.¹¹

Однако в своем отношении к свободе выбора и пониманию духовности человека, его способности к самоусовершенствованию Руссо, автор первых трактатов, глубоко противоречив. Свобода выбора, которой наделен человек, воспринимается Руссо как явление не только отрадное, но и отрицательное, лишаящее человека подлинной гармонии с природой. Весь путь человека от дикости до цивилизации воспринимается Руссо как путь неизменных нравственных утрат. Так, к утверждению Руссо о том, что «успехи человеческого рода», отдаляющие человека от первоначального его состояния, «отнимают от нас самое важное из всех знаний о человеке»¹², Жуковский ставит знак вопроса и замечает на полях:

Почему же самое важное.¹³

То есть он вовсе не склонен думать, что развитие человека уничтожило в нем самое важное. Утверждая, что просвещение «спасительно для нравов», что «просвещение есть палладиум благонравия» (51), Карамзин, так же как впоследствии Жуковский, благословляет способность человека развиваться и тем самым совершенствовать жизнь. Рассказывая в своей статье о встрече с

^{10a} Там же. С.60.

¹¹ Архив В. А. Жуковского. ИРЛИ. Ф.19. Ед.хр.1. Л.5.

¹² Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С.32.

¹³ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С.253.

Боннетом на берегу Женевского озера, Карамзин с восторгом поведал о глубокой вере замечательного ученого в нравственный и общественный прогресс.

Небесный свет сиял в сию минуту на лице женевского философа, и мне казалось, что я слышу глас пророка (49).

Одной из интересных проблем, поставленных Карамзиным и Жуковским в связи с обсуждением трактата Руссо, является проблема искусства. Эстетика Карамзина во многом определяется его последовательным сенсуализмом. В статье «Нечто о науках» он утверждает, что чувственные понятия суть не что иное, как непосредственное отражение объективной действительности. В связи с этим Карамзин определяет искусство как подражание природе (в отличие от классицистов, которые главным законом искусства считали подражание образцам). Идеализируя подобно Руссо естественного человека, его «чувствительность», Карамзин источником ее считает природу.

Сей дикий - пишет Карамзин о первобытном человеке, - взирает с удивлением на картину природы; ... на прекрасный ландшафт, где ручейки журчат в серебряных нитях, где свежие цветы пестреют и благоухают Все для него привлекательно... (46).

...Мудрая, любезная натура не только дает нам пищу; она производит еще и алую розу и белую лилию, которые не нужны для нашего физического существования, - но они приятны для обоияния, для глаз наших. И натура производит их...(52).

Что суть искусства? – спрашивает Карамзин в статье о трактате Руссо, - подражание природе ... ветер ... и поющие птички научили нас музыке... Горлица, сетующая на ветви об умершем дружке своем, была наставницей первого эглического поэта...(47).

То есть, говоря о том, что суть искусства – подражание природе, Карамзин сосредоточивает свое внимание прежде всего на изяшной природе. Жуковский исходит из более широкого представления о природе (см. ниже). Однако обоих писателей принципиально сближал последовательный сенсуализм. Здесь Жуковский остается верным школе Карамзина. Как показывают многочисленные заметки Жуковского на «Созерцании природы» Бонне и «Трактате об ощущениях» Кондильяка, поэт безоговорочно принимает основное гносеологическое положение этих фи-

лософов об эмпирическом, опытном начале чувственного познания.

Мы существуем и чувствуем только постольку, поскольку мы получаем ощущения извне, -

записывает он на полях 2-ой главы «Трактата об ощущениях».¹⁴ Так же, как и Карамзина, его волнует процесс одухотворения статуи, описанный Кондильяком (см. Карамзин. С.49). Вместе с тем, оба писателя вслед за Бонне, Кондильяком, Руссо принципиально отстаивали идею существования Верховного Творца, Бога.¹⁵ Последовательный сенсуализм писателей, их вера в Бога обуславливают особенности их эстетических воззрений и, главным образом, их первостепенное внимание к проблеме подражания природе. У Жуковского проблема занимает очень видное место в ныне опубликованном «Конспекте по истории русской литературы».¹⁶ Так, в примечаниях к размышлениям Лагарпа об этом предмете, далеко не во всем соглашаясь с автором «Лицея», Жуковский пишет:

Подражать природе есть делать то же, что она делает, только другими средствами, употребляя другие знаки... Аристотель говорит, что в нас есть врожденная любовь к подражанию! Эту любовь можно, мне кажется, назвать чувством изящного, свойственным нашей душе, которая сама творит прекрасное.¹⁷

Для Жуковского природа представляет «нравственный мир со всеми его страстями и мир физический со всеми его прелестями и великолепием».¹⁸ Это широкое, объемное представление о природе и, следовательно, о самом процессе подражания, следует и из характера восприятия Жуковским Ш.Бонне. Читая «Созерцание природы», он выделяет мысль автора о сознании человека, как о зеркале, отражающем «...вкратце внешний мир», и о поразительном разнообразии этих зеркал в зависимости от творческой индивидуальности всматривающегося в мир субъек-

¹⁴ Библиотека В. А. Жуковского в Томске Ч.1. Томск, 1978. С.352.

¹⁵ Там же. С.340.

¹⁶ Жуковский В.А. Конспект по истории русской литературы // Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1985.

¹⁷ Там же. С.51.

¹⁸ Там же. С.221.

та.¹⁹ Нечто весьма близкое к этому читаем мы в статье «О поэзии древних и новых»:

Ум человеческий создан столь чудесно, что природа беспрестанно изображается в зеркале его новово; ... Какое богатство новых описаний, сравнений картин и мыслей в Клопштоке и Мильтоне.²⁰

Уместно вспомнить, что басня Крылова, по Жуковскому, тоже

чистое зеркало, в котором отражается существенный мир со всеми его оттенками.²¹

Зеркало в данном случае – «отражающее сознание», изменяющееся по мере развития «ума человеческого». Идя от Карамзина и настойчиво акцентируя внимание на преобразующей идеальной функции искусства, Жуковский несравненно усиливает представление об огромной роли творческой фантазии художника, который творит свой эстетический мир, взятый у природы, но преобразенный в процессе художественного творчества. Очень важным этапом зрелого осмысления проблемы подражания природе является интересное письмо Жуковского к Е. Рейтерну (1830).²² Во-первых, это - клятва верности природе поэтаромантика и признание этой верности как уставного требования для современного художника.

Надо изучать природу. С покорностью принимать то, что она дает, и будешь богат. Природа не скупа, она дает щедрой рукой... Желание украсить природу и сделать ее пригожею – святотатство.

Во-вторых, это апофеоз развенчания теории подражания древним образцам.

Мы захотели втиснуть нашу природу в формы древних, и мы ее обезобразили (исказили) подобно Прокрусту.

Отталкивание от эстетики классицизма, начавшееся у Жуковского (не без участия Карамзина) с первых шагов его творчества, приобретает форму четкого теоретического постулата:

Буало был не что иное, как сухой раб свободной и прекрасной древности.

¹⁹ Bonnet Charles. Oeuvres d'histoire naturelle et de philosophie. Т.7. Р.186.

²⁰ Жуковский В.А. Эстетика и критика. С.185.

²¹ Там же. С.297.

²² Русский вестник. 1894. №9. С.232-234.

И, наконец, в-третьих. Здесь яснее, чем прежде, ставится проблема «поэтического преображения».

Художник, - пишет Жуковский, - видит природу собственными глазами, схватывает собственную своею мыслью и прибавляет к тому, что она есть - кроющееся в его душе.²³

Таким образом, Жуковский в своей концепции «подражания природе» идет дальше Карамзина, что было естественно для поэта-романтика в 1820-1830-х гг. Но принципиально важно, что путь Жуковского, теоретика искусства и поэта, был преуказан Карамзиным, определившим во многом доминантные черты его эстетики и поэтики, которые складывались в процессе восприятия Руссо. Здесь уместно привести еще один факт. К своей статье о первом трактате Руссо Карамзин делает в связи с проблемой «искусство - подражание природе» очень важное для нас примечание:

Я думаю, - пишет он, - что первое поэтическое творение было не что иное, как изливание томно-горестного сердца, то есть что первая поэзия была элегическая...

Для Карамзина элегическое чувство – источник творчества, а элегическая поэзия – первоначальная форма поэзии. Думается, что это тоже принципиально сближало Карамзина и Жуковского, в творчестве которого элегия займет главенствующее место.²⁴ Таким образом, отношение к первому трактату Руссо уже обнаруживает принципиальную близость общественно-исторических, антропологических и литературно-художественных воззрений Карамзина и Жуковского, что несомненно свидетельствует об их генетическом родстве, во многом определившем важнейшие черты нравственно-философского и эстетического развития России конца XVIII - первой трети XIX в.

²³ Целесообразно вернуться к пометам Жуковского на первом трактате Руссо. На с.29 в предложении Руссо «Вскоре за литературой последовали науки: к искусству писать присоединилось искусство мыслить» («imaginer») Жуковский подчеркивает слово «писать» («escrire»), а на полях ставит («imaginer») – воображать.

²⁴ Интересные соображения об этом примечании Н.М. Карамзина см.: Вацуру В.Э. Лирика пушкинской поры. СПб., 1994. С.13.